

ОЛЬГА ЯРОШИНСКАЯ

ЗЛАЯ ЗИМА

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я77

Разработка серийного оформления *Д. Васильченко*
Иллюстрация на обложке *Е. Сова*

Ярошинская, Ольга Алексеевна.

Я77 Злая зима / Ольга Ярошинская. — Москва :
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-186945-8

Брун — медведь-оборотень с желтой меткой потенциально опасного. Эльза — девушка из высшего общества, студентка музыкальной академии. Они никогда бы не встретились и уж тем более не стали жить вместе, но встречу инициировал вампир, и вся благополучная жизнь покатила под откос.

Бруну нужен личный помощник, Эльзе — тот, кто не будет ее бояться.

Брун хочет найти убийцу своего отца, Эльза — всего лишь прожить еще одну зиму человеком.

Эта зима может стать последней для них обоих, но они проведут ее вместе.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ярошинская О., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186945-8

Глава 1

Зима струилась стужей по позвоночнику, морозила кончики ушей, баюкала завыванием ветра. Бруну до боли хотелось обернуться, согреться в шкуре с густым подшерстком, спрятать нос в лапы и уснуть до самой весны. Голова болела злой тягучей болью, словно изнутри к затылку присосался клещ и его гладкое серое брюхо медленно раздувалось, как воздушный шарик.

К зданию подъехало желтое такси и быстро укаатило в метель, оставив у крыльца девушку с большим серебристым чемоданом. Ей нечего здесь делать. Явно человечка из самого центра. В такой шубе она бы не прошла по Звериному кольцу и трех кварталов — ее смешали бы с грязью. Девушка вдруг подняла голову и посмотрела прямо на Бруна.

Он раздраженно дернул шторы, и карниз с треском отвалился, рухнул на пол, побелка осыпалась мелким крошевом. Брун отшвырнул злосчастные шторы, синя ткань стекла к ногам грязноватой лужицей. Психолог, который работал с Бруном, уверял, что синий успокаивает. Брун был в бешенстве.

Накануне он едва смог уснуть. Ему все мерещились шорохи и чужие шаги, он подхватывался через каждые пять минут, боясь уйти в глубокий сон,

и в итоге едва разлепил веки к обеду. Два будильника, заведенные накануне, оказались бессильны против сна медведя-оборотня.

Он всю осень выбирал себе помощника, который должен был помочь ему пережить зиму и не впасть в спячку. Константин казался идеальным вариантом: спокойный, выдержанный, молчаливый. Физически сильный — черный пояс по карате. Костя переехал к нему в середине ноября и уехал через полторы недели с носом, распухшим, как клюв тукана. Оказалось, что у него сильнейшая аллергия на медвежью шерсть.

Брун рухнул в кресло, упал лбом на шершавую деревянную столешницу. Он не мог нанять первого встречного, слишком много требований. Будить медведя во время зимней спячки — непростая работа, требующая хорошей физической силы и отличной ловкости, чтобы увернуться от возможного удара. Да и пока он спит сном младенца, хорошо бы иметь рядом охранника, который сможет хотя бы задержать нежеланных гостей, которые, он готов был поставить шкуру на заклад, будут. Еще нужна крепкая психическая устойчивость. Не всякий выдержит его даже в радушном настроении.

Все это он честно перечислил в объявлении, которое сейчас висело перед ним на экране ноута. Личный помощник для оборотня-медведя. Совместное проживание на зимний период. Тысяча сторнов за каждый месяц. Не слишком много, но больше он себе не может позволить, итак в бюджете дыра с совиное дупло. Проще всего было бы уехать на зиму на Медвежий остров. Там круглосуточная охрана, уют-

ные берлоги, комфортный микроклимат и спа-комплекс после пробуждения.

Для него это не вариант. Не после того, что случилось прошлой зимой.

Он поднял голову и страдальчески посмотрел на экран ноута.

Семь просмотров за три дня.

Остается только забаррикадироваться в своей квартире и надеяться, что он доживет до весны.

— Можно? — В приоткрытую дверь заглянула девушка. — Я по объявлению.

Брун кивнул, на секунду потеряв дар речи при виде пассажирки такси. Девушка перешагнула порог, остановилась, озираясь. Брун стряхнул крошки побелки с плеча, подтянул носком ботинка штору, в тщетной попытке затолкать ее под стол, но девушка заметила его маневр и удивленно приподняла бровь. Впрочем, перед этой фифой не стоит ломать комедию. Все равно она не подходит. Хрупкая, как тонкий фарфор, который лучше даже в лапы не брать — треснет, каштановые волосы свисают до плеч прядями такими рваными, словно их кромсали кухонным ножом. Распахнутая серебристая шубка стоит больше его машины.

— У вас побелка на носу, — сказала она. — Меня зовут Эльза.

— Ты не подходишь, Эльза, — буркнул он, вытирая лицо рукавом.

Эльза — дурацкое имя. Сначала мягкое «л», от которого едва язык не сворачивается, а потом надо сомкнуть зубы, будто кусаешь листок, — так его учила в свое время логопед. Только вот он не травоядный.

— Прощай, — сказал он.

— А еще след на лбу от стола отпечатался, вот тут, — она ткнула пальцем себе в середину лба. — Подхожу.

— Если бы мне нужна была секретарша, я бы, может, тебя и взял. — Он откинулся на спинку кресла, заскрипевшего, как свежий снег. — Ножки у тебя что надо, общий вид, — он обвел ее в воздухе рукой, — вполне. Бледновата слегка, но это вроде модно сейчас. Закос а-ля кровосос, — он ухмыльнулся случайной рифме. — Кофе варить умеешь? — Дождавшись кивка, продолжил: — Тогда приходи весной, Эльза. В начале апреля.

— Мне нужна эта работа, — упрямо повторила девушка, и в душе Бруна зашевелилось сомнение. А может, и вправду попробовать? Она куда симпатичнее Кости, который к тому же стриг ногти на его ковер.

— Откуда ты вообще взялась? Я не давал адрес в объявлении.

— У вас работал Костя, с аллергией...

— Да. Выходит, он дал тебе адрес, и ты решила заявиться лично. Что ж, похвальная целеустремленность. Но ты не подходишь. Я могу зашибить тебя ненароком и даже не заметить.

Брун махнул рукой, показывая на выход. Эльза вздохнула и медленно задрала юбку. Брун выпрямился в кресле, ошарашенно впитывая неожиданную картину: черные чулки на кружевных резинках, белая гладкая кожа бедер, краешек трусиков.

— Это... весомый аргумент, — заметил он, — хотя под совместным проживанием я не имел в виду интим.

— Я тем более не имею его в виду, — ответила девушка и развернула правую ногу в сторону.

Брун текуче встал, подошел к ней, присел на корточки, рассматривая две алые отметины с синей каймой на внутренней стороне бедра. Втянул запах. Искусственная свежесть духов с цитрусовой ноткой почти забивала естественный аромат, но девчонка пахла человеком. Значит...

— Метка альфа-вампира, — ответила на его мысль Эльза и одернула юбку, словно опустила занавес. Чулки и белая кожа исчезли.

— Но ты все еще человек, — заметил он, выпрямляясь.

— И собираюсь им оставаться как можно дольше.

— Когда он тебя пометил?

— Два месяца назад.

Брун смотрел на девушку сверху вниз, стоя на расстоянии вполшага. Она подняла на него глаза. Рыже-карие, теплые, совсем не такие, как у кровососов. Это временно. Она сорвется.

— То есть ты предлагаешь мне взять в качестве личного помощника и охранника меченую, которая только и будет думать о том, как бы запустить клыки мне в горло?

— Оборотни пахнут не так аппетитно, как люди.

Брун скривился.

— Говорят, вы можете и крысами питаться, если прижмет.

— Не вы. Они. Я не буду пить кровь, и трансформация останется неполной, — голос Эльзы звучал твердо, но Брун не мог ей поверить, как бы ни хотелось.

— Если ты согласилась на метку, так чего теперь тянешь? — спросил он.

— Я не соглашалась, — сказала она и отвела блеснувшие глаза.

Брун замер. Кажется, он что-то такое слышал. Альфа инициировал девушку без ее согласия. В новостях это быстро замяли.

— Слушай, девочка, — он пытался говорить мягко, ему действительно было ее жаль, — ты уже сейчас испытываешь голод. Дальше будет хуже. Однажды ты сорвешься.

— И тогда ты меня убьешь, — ответила Эльза, твердо посмотрев на него.

Брун отступил на шаг.

— Ты ведь недолюбливаешь вампиров, как все оборотни, — затараторила она. — Скажешь — самооборона. Тебе поверят. Молодые вампиры без тормозов.

— Я не хочу никого убивать, — тут он слегка покривил душой, но ей не нужны все его темные секреты.

— Может, и не придется. — Она шагнула и снова оказалась так близко, что он видел свое отражение в ее глазах. — Я подхожу тебе. Я сильная, очень. Почти такая же сильная, как настоящий вампир. — Она судорожно порылась в алой сумочке размером не больше его ладони, вынула ключи и согнула один пальцами. — Я могу вообще не спать. И я не возьму с тебя денег. Судя по всему, у тебя их негусто. Я могу даже сама тебе заплатить.

— В объявлении еще было про психическую устойчивость, — напомнил Брун.

— С этим сложнее. — Эльза впервые улыбнулась, зубы у нее были белые, мелкие, клыки едва выступили.

— Зачем тебе это? — Он осторожно ткнул пальцем в ее щеку. Теплая. Эльза вздрогнула, отшатнулась.

— Я просто хочу прожить эту зиму человеком... Мне нужен кто-то рядом, с кем можно хотя бы поговорить, тот, кто не боится меня, — выдохнула она. Нижняя губа дернулась, и Эльза ее прикусила. Черт, да она чуть не плачет. — Пожалуйста.

Брун перекатился с пяток на носки и назад, взгляд остановился на пухлых вишневых губках. Она может быть подсыллом. От волков или, черт бы их побрал, охотников. Симпатичная ловушка для медведя-шатуна. А когда он уснет, она воткнет нож ему в сердце, а потом сдерет шкуру на трофей. Но если то, что она говорит, правда? Эльза Даримова, точно, так звали девчонку из новостей. Однажды она оказалась не в том месте и не в то время, а теперь никто ей не поможет, потому что никто в своем уме не станет переходить дорогу альфа-вампиру.

— Ты не подходишь, Эльза. Извини.

Он подождал, пока она выйдет за дверь — губы дрожали, и глаза на мокром месте, но подбородок гордо задран, — вернулся в кресло. Экран ноута погас, но Брун смотрел сквозь него. У него слишком много проблем, чтобы вешать на себя дохлых собак вроде меченой девчонки. Да, он не станет кровососом, даже если Эльза его всего изгрызет, и вряд ли умрет от потери крови — девчонка скорее лопнет, как обожравшийся комар. Но новые враги ему ни к чему.

За окном окончательно стемнело, но Брун не стал включать свет, жалея слезящиеся глаза. Фонари протянули ленту света вдоль улицы — неплохое место: в квартале оборотней, конечно, но во второй линии от человеческого круга. А башню вампиров почти не видно днем. На тонком черном шпиле вдали мерцало бледное искусственное солнце. Девчонка, Эльза, обречена, и лучше бы ей смириться. Хотя Брун не мог не симпатизировать ее упертости. Он знал, каково это, когда судьба закладывает крутой вираж и тебя сносит с трассы и несет по инерции в кювет, а ты забываешь дышать от липкого ужаса, но все еще пытаешься вырулить, в глубине души понимая, что это конец.

Брун, скривившись, отвернулся от башни кровососов и вышел из кабинета, прихватив с собой ноут.

Он спустился по лестнице, на ходу застегивая куртку, толкнул дверь, сражаясь с заевшей молнией и прижимая ноут под мышкой, и едва не споткнулся об девчонку. Она сидела на чемодане, свесив голову на грудь. Снежинки усыпали каштановые волосы, пушистый воротник, укрыли носки сапожек из тонкой кожи.

— Ты заболеешь! — ляпнул Брун и тут же понял, что сморозил глупость. Кровососы не болеют — бонус к бессмертию, или, вернее, к смерти длиной в бесконечность.

Эльза вытерла щеку ладонью, не поднимая головы.

— Иди домой, Эльза. Давай я вызову тебе такси. Твои родители небось с ума сходят.

— Мне некуда идти, — глухо ответила Эльза. — Для родителей меня уже нет.

Брун еще пару секунд гипнотизировал маленький сугроб, медленно вырастающий у нее на макушке, и вздохнул:

— Ладно. Поехали ко мне. Может, сама еще передумаешь.

Он выдернул чемодан из-под вскочившей девицы и потащил к машине.

Рваные облака неслись по небу, толкаясь, словно льдины по реке. Луна блеснула серебряной чешуей в черной полынье и нырнула в глубину. Брун молча закинул чемодан в багажник потрепанного «Шевроле-Тахо», открыл заедающую пассажирскую дверцу.

Эльза, запахнув шубку, приютилась на широком сиденье, спрятала нос в пушистом воротнике.

— Не люблю шубы, — не смог сдержаться Брун.

— Это ведь не из оборотней, — попыталась оправдаться она.

— Все равно.

— Я в последнее время часто мерзну, — пожаловалась она. — Мне постоянно холодно.

Еще бы. Трансформация, насколько он знал, так и происходит. Замедляется сердечный ритм, снижается температура тела. Похоже на спячку. Однако нервная система, наоборот, разгоняется.

Она выглянула из воротника, взмахнула густыми ресницами. Стоп. А может, это намек? Брун произвольно сжал руль сильнее. Девушке одиноко и холодно. Брун покосился на острые коленки, обтянутые черным капроном. Не то чтобы она в его вкусе — уж больно тонкая, явно чистокровная человечка без всяких примесей, но с другой стороны — как может быть не в его вкусе симпатичная девушка в чулках?

Эльза включила радио, гремящий рок заполнил салон, отскакивая горохом от всех поверхностей, барабана по перепонкам. Ее духи, казалось, пропитали машину насквозь. Остро пахло грейпфрутом и немножко огурцами. Кто в здравом уме захочет пахнуть огурцом? Брун поморщился, но ничего не сказал.

Два месяца назад

Запах крови плыл над лестницей, и Джонни летел по ступенькам, раздувая ноздри. Клыки выступили за губы, в горле пересохло, как в старом колодце. Запах был соленым, горячим, полным страха. Свежая кровь — это не сгустившееся пойло в медицинских пакетах, отдающее пластмассой, и это значит, что альфа сорвался. Наконец-то.

Джонни вошел без стука, замер у двери.

Синеватые прожилки бежали по светлому мраморному полу, сплетаясь в узлы вен, густея у подножия одинокого кресла, которое казалось крохотным в пустом овальном зале. Изогнутые резные ножки кресла грелись в темной шкуре. На стене напротив висела картина с водяными лилиями, сияющими в темноте, словно звезды. Больше ничего. Альфа признавал только те вещи, которые считал совершенными. За спинкой кресла застыла блондинка — идеальная красота.

Джонни направился к фигуре у панорамного окна — черному силуэту на фоне ночного неба. Альфа повернулся, серебристые глаза сверкнули, и Джонни едва сумел сдержать порыв и не упасть на колени перед создателем.

— Микаэль, — он сдержанно поклонился.

— Я не звал тебя, — ответил альфа, снова отворачиваясь к окну.

— Прости, Микаэль, я почувствовал запах.

— Да.

— Ты взял эту кровь насильно.

Альфа промолчал, спрятал руки в карманы. Джонни подошел ближе, стал рядом, но чуть позади. Ночной город раскинулся внизу лоскутным одеялом: людской центральной округ расчерчен улицами ровно, как по линейке, сверкают огни, вывески суматошно моргают — люди боятся темноты, страх заставляет отгораживаться светом от того, что таится во мраке. Звериное кольцо, опоясывающее центр, темнее: редкие билборды да россыпь окон, где маются бессонницей.

— Ты убил человечку, альфа, — обличил его Джонни. Это была девушка, несомненно, в запахе таилась сладость и желание, наверняка ей самой хотелось стать жертвой, они всегда этого хотят.

— Думаешь?

— Я хочу услышать это от тебя. Я хочу услышать приказ, узнать, что это только начало, что мы установим власть над городом!

Микаэль поднял руку, и Джонни умолк.

— Я иногда забываю, как ты молод, — полные бледные губы изогнулись в кривой усмешке. — Люди слабы, но их много. Я не стану развязывать новую охоту на ведьм. На меня охотились несколько веков, поверь, в этом нет ничего интересного. Мы живем спокойно, люди сами сдают кровь в центрах переливания или даже добровольно подставляют шеи. По-

чему ты никак не можешь понять, что сейчас золотое время для нас, вампиров?

— Потому что это не так! — возразил Джонни. — Мы берем жалкие капли, а можем взять все!

— Упоение властью дарит ощущение жизни. — Микаэль потрепал Джонни по плечу, и тот задрожал от ласки, как щенок. — Только ты забыл, что, по сути, мы мертвы. С каждым годом, что я ношу в груди остановившееся сердце, бессмысленной суеты все больше. Иногда я думаю — зачем я продолжаю существовать? Все потребности исчезают, мне не нужен комфорт, признание или, упаси тьма, эмоциональная близость. Я не хочу славы, мне не интересны борьба и власть. Знаешь, что осталось?

— Голод? — спросил Джонни.

— Он слабеет с годами, мой мальчик. Его можно контролировать. И это точно не то, ради чего стоит длить бытие. Красота. Эстетика — вот то, что держит меня здесь. Этот мир очень красив. И та девушка, она была восхитительна, красива тонкой красотой, которая не бросается в глаза, но на которую хочется смотреть снова и снова. В ней был свет, словно в этих цветах, — Микаэль повернулся к картине.

— И поэтому ты убил ее? — спросил Джонни. — Скажи, где тело, я все уберу. Нам не нужны проблемы.

— Но люди так хрупки и недолговечны, — продолжил Микаэль, снова отвернувшись к окну. — Я вдруг захотел это исправить.

— Смерть была ей к лицу?

— О нет, я не убил ее, не совсем, — инициировал. Она станет вампиром.

— У нас очередь на инициацию длиной со Звериное кольцо! Есть люди, готовые заплатить миллионы!

— Знаю. Больные, увечные, фанатики...

— Богатые! Нам нужны деньги, чтобы поддерживать достойный уровень жизни.

Микаэль равнодушно глянул на Джонни.

— К тому же у нас нет свободной квоты! — не сдавался тот. — Ты так ценишь спокойствие, а сам создал скандал на ровном месте.

— Кэти, подойди сюда, милая, — позвал альфа.

Блондинка прошла мимо Джонни, остановилась перед альфой, склонила голову. Джонни не успел увидеть движения Микаэля, раздался резкий звук, будто кто-то смачно укусил сочное хрусткое яблоко. Голова Кэти подкатилась к его ногам, аккуратный прямой носик ткнулся в блестящую туфлю. Обезглавленное тело рухнуло, высыхая на глазах, кожа почернела, обтянув кости туго, как чулок.

— Теперь у нас есть квота. Жаль, что она была молодым вампиром, столько мусора. Если бы умеря, осталась бы лишь горстка пепла, — меланхолично сказал Микаэль. — Начинается!

Тонкая розовая полоса пересекла небо, золотые нити выпростались из-за горизонта, легкими росчерками штрихуя небо.

— Как прекрасно, — выдохнул Микаэль. — Ты только посмотри...

Джонни зажал оторванную голову под мышкой, второй рукой обхватил иссохшую щиколотку и потащил тело прочь.

* * *

— Вот и моя берлога. — Брун, повозившись с замком, распахнул двери квартиры, пропуская гостью вперед.

Эльза вошла, озираясь по сторонам, чемодан громыхнул, переехав через порог.

Брун включил свет, переступил шубу, которую Эльза, явно привыкшая к более галантному обращению, не глядя сбросила с плеч.

— У тебя ковры на стенах? — ее голос дрогнул. — Я такое только на бабушкиных фотографиях видела.

Эльза присела, подобрала шубу с пола и повесила на вешалку рядом с его потрепанной курткой.

— Уютно, мне нравится, — буркнул он, прячась в недрах квартиры. — Проходи, располагайся. Я сейчас.

Он поставил в духовку замороженную пиццу и вернулся в гостиную с бутылкой вина и бокалами, неся их, осторожно зажав между пальцами стеклянные ножки. Эльза ходила по комнате, рассматривая обстановку: она провела кончиками пальцев по ворсу ковра с затейливым орнаментом, напоминающим то ли зверей, то ли цветы, выглянула в окно, отодвинув тяжелую коричневую штору, взяла с полки деревянную статуэтку птички и протерла пальцем пыль на загнутом клюве. Брун забрал птицу и, водрузив ее на место, протянул гостью бокал вина.

Эльза благодарно кивнула, отпила глоток и слизнула темную красную каплю с нижней губы.

— Расскажи, как тебя угораздило. — Брун сел прямо на ворсистый бежевый ковер, вытянув ноги.

— Мы отмечали начало нового учебного года. — Эльза забралась в полосатое замшевое кресло с ногами, отпила еще вина. — Третий курс. Я учусь... училась в музыкальной академии по классу фортепиано.

Она посмотрела на свои пальцы, обнимающие бокал, нахмурилась.

— Сначала мы зависали на квартире у подруги, потом решили затусить в ночном клубе. Я была на танцполе, когда официант передал мне приглашение за чей-то столик. Поначалу я просто отмахнулась, но он так заискивающе и испуганно улыбался, что я обернулась и увидела вампира. Ты когда-нибудь обращал внимание, какие у вампиров уродливые уши? — Она поежилась, заправила прядь волос за маленькое ушко, мимоходом потрогав мочку с бриллиантовой капелькой, и выпила одним махом полбокала. — У оборотней тоже уши не такие, как у людей. Вот у тебя — слишком круглые и посажены чуть выше. Но оборотней проще всего определить по переносице. У вас она широкая и сглаженная. И по бирке, конечно.

— Ближе к делу, — перебил ее размышления Брун, раздраженно дернув желтый кругляш, болтающийся в ухе.

— Я отказалась идти, — продолжила Эльза. — Только настроение пропало. Меня как будто ледяной водой окатили, даже хмель прошел. Антон, мой парень, бывший, — добавила она с легким усилием, — проводил меня домой. Мы поднялись ко мне, стараюсь не шуметь, потом... ну, ты понимаешь. И когда Антон ушел — ведь отец поднял бы скандал, застань его в моей постели, — появился вампир.

Она выпила вино до дна, протянула бокал, и Брун налил еще. Подумав, поставил бутылку рядом с ее креслом.

— Слушай, к чему тебе эта пытка? — спросил он. — Ты все равно обратишься. Тебе не надо кого-то кусать. Иди в любой пункт выдачи крови и покончи с этим. Порция крови стоит не больше сотки. Деньги у тебя наверняка есть. Тысячи идиотов мечтали бы оказаться на твоём месте. Ты получишь силу, бессмертие.

— Зачем мне бессмертие? Я даже не знаю, что мне делать завтра, — пожалала плечами Эльза. — И я не идиотка.

Духовка запиликала таймером, отвлекая их от разговора. Брун вытащил пиццу, с наслаждением втянул запах сыра и копченых колбасок. Разрезав ее на куски, принес ужин в гостиную. Эльза выбрала самый узкий ломтик, сняла ноготками колбасу и положила ее назад на тарелку.

— Значит, ты переспала с кровососом, — буднично сказал Брун, откусывая полкуска пиццы зараз. Эльза возмущенно на него посмотрела, и он добавил: — Судя по месту, где он оставил метку.

— Не переспала. Вампиры не занимаются сексом! Он появился из ниоткуда. Как будто стоял все время в темном углу, наблюдал...

— Скорее всего, — подтвердил Брун.

— У него жуткие глаза — светлые-светлые, как тонкий лед, и сияют, словно вампирское солнце на черной башне. Я лежала в своей кровати, как куль с песком, и не могла пошевелиться, не могла сопротивляться. Знаешь, его взгляд, такой обволакиваю-

щий, липкий, как паутина. — Она отпила прямо из бутылки. — Мое сердце чуть не разорвалось, когда он укусил... Боль ужасная. И его язык холодный и шершавый, какой-то твердый, словно кусок бетона прошелся по коже. — Она опустила голову, волосы скрыли лицо каштановой завесой. — Он сказал, что теперь я сама к нему приду.

— Ты ведь понимаешь, что так и будет?

— Пусть хотя бы подождет подольше, — Эльза отбросила волосы, печально улыбнулась.

— Ты обращалась в полицию?

— А как же! Только у этого ублюдка оказалась свободная квота на инициацию.

— Но ведь ты не хотела...

— Он отделался штрафом. И выплатил компенсацию моим родителям. — Эльза поднялась с кресла. — Ладно. Я хочу привести себя в порядок. Где моя комната?

Брун тоже поднялся, взял ее за руку. При упоминании родителей губы ее задрожали, а ведь до этого держалась молодцом. Рука такая тонкая, даже страшно. Погладил большим пальцем хрупкое запястье — пульс бьется ровно и медленно. Похоже, она совсем не волнуется. А вот ему отчего-то боязно. Непонятно, как с такой обращаться.

— Моя спальня, — он кивнул на дубовую дверь в конце коридора. — Раз уж мы решили провести эту зиму вместе...

— С ума сошел? — Она вырвала руку с неожиданной силой. — Я не собираюсь с тобой спать!

— Нет? — растерялся Брун.

— Конечно, нет! С чего ты так решил?

— Ты задрала юбку до трусов через три минуты после знакомства, — рассердился он. — Это наталкивает на определенные мысли.

— А ты бы поверил, если бы я сказала про метку? Он попросил бы показать, это точно.

— А потом светила коленками, зазывно облизывала губы, трепетала ресницами, — перечислил Брун. — Ты подавала отчетливые знаки!

— Ничего я не подавала! Людям свойственно моргать, знаешь ли. Как тебе такое вообще могло прийти в голову? Посмотри на себя и на меня — это технически невозможно!

— Почему это? — удивился Брун.

— Да ты огромный, как...

— Как медведь?

— Как грузовик!

— У меня были женщины-человечки, никто не жаловался, — возразил Брун. — Наоборот...

— И ты, значит, взял меня в расчете на халявный секс?

— Слушай, когда ты станешь кровососом, то будешь чувствовать все по-другому. Если у тебя вообще останутся чувства. Так что сама подумай — зачем отказываться?

— А ты мой последний шанс потрахаться. Типа, такой акт милосердия с твоей стороны.

— Ой, больно надо! — рявкнул он в ответ и ткнул пальцем вправо. — Гостевая там, рядом с ванной. Разбуди меня ровно в девять. И сделай мне утром кофе, крепкий, три ложки сахара.

— Может, обсудим остальные мои обязанности? Чтобы не было сюрпризов.

— Разберемся по ходу дела. — Он развернулся и пошел в душ. — Если тебе все же приспичит меня укусить — только не в шею.

— Я не стану...

— И выброси свои духи, — перебил он, не дослушав, — отвратительный запах.

Лежа в кровати, Брун слышал, как Эльза ходит по гостиной, в кухонную раковину потекла вода, потом включился телевизор. Ее аромат проник даже в его спальню и теперь щекотал ноздри невидимым перышком.

«Я так никогда не усну», — сердито подумал Брун и отключился.

* * *

Эльза шаталась по квартире, бесцельно заглядывая во все углы. Она сполоснула бокал, включила музыкальный канал, уселась в кресло, осматриваясь. Взяв початую бутылку вина, отхлебнула прямо из горла. Идея обзавестись оборотнем-компаньоном поначалу показалась ей выигрышным билетом на еще несколько месяцев человеческой жизни. Но какой она будет, эта жизнь?

Эльза подошла к окну,дохнула и нарисовала на запотевшем стекле рожицу. Улыбка получилась скошенной, и Эльза вытерла ладонью рисунок. Дома через дорогу, выкрашенные в яркие цвета, тянущиеся к звездам разномастными башенками, казались аппликацией, вырезанной из детского журнала. Плющ, увивавший полстены напротив, покрылся тонкой коркой льда и чуть мерцал в желтом свете фонарей, словно пушистая шаль, наброшенная на озябшие ка-

менные стены. Узкий пешеходный мост хребтом выгибался над дорогой.

Есть еще один вариант, о котором Эльза думала все чаще. Она может умереть. Яд вампира медленно меняет ее тело, но пока она не попробовала человеческой крови, у нее остался запасной выход.

Эльза втащила чемодан в гостевую комнату, расправила сбившийся складками ковер. Узкая кровать, тумбочка у изголовья, здоровенная бандура часов, тикающих как бомба, и скромный одежный шкаф — прежде в такой не уместились бы даже ее туфли, но все они остались дома. Кровать страдальчески закрипела пружинами, когда Эльза на нее присела.

— За новоселье! — Эльза глотнула вина, отсалютовав бутылкой своему отражению в полированной дверке шкафа, и тут же подпрыгнула от оглушительного звона. Донн, донн — плыло по комнате, словно Эльзу сунули прямо в огромный колокол.

Донн — донн.

Эльза едва не выронила бутылку, дрожащими руками поставила ее на тумбочку. Часы хрипло выдохнули, и стрелки снова побежали по кругу с громкими щелчками, словно кто-то стоял в углу и цокал языком. На длинных цепочках чуть покачивались гирьки в виде шишек.

На улице раздался шум, будто град забарабанил по мостовой. Эльза бросилась к окну, приникла к стеклу и едва не разинула рот от удивления: разношерстный табун мчался по улице, дробя асфальт. Белогривые кони, легкие антилопы, гордые олени с развесистыми рогами скакали бок о бок, высекая искры копытами. Следом потекли хищники: пятнистый леопард,

играя, прикусил ляжку яркой, как огонь, лисицы, гiena юркнула через дорогу, визгливый хохот отозвался эхом от стен домов, стая волков пробежала дружно, как команда спортсменов. У всех животных в ушах болтались бирки: зеленые, желтые, пару раз мигнул опасный красный.

Эльза предпочитала не высовываться на улицу в час оборотня — когда им позволялось принимать звериное обличье. Но в центре она, самое большее, встретила бы оборотня-лису из соседней пекарни или енота, открывающего двери в гостинице на углу. Все оборотни, с которыми ей раньше доводилось встречаться, были милыми, неопасными зверушками.

В отличие от Бруна.

Когда она вошла в его кабинет, то едва не запаниковала. Перед ней сидел хищник, пусть и в человеческом обличье. Желтая бирка в ухе — знак потенциально опасного оборотня — только подтверждала это. Мохнатые бакенбарды, угрюмо сведенные брови, глаза как угли — черные, но нет-нет да и полыхнут. А уж когда он встал с кресла, выпрямился во весь рост, ее сердце забилося почти так же быстро, как раньше.

По улице проскакала одинокая белая козочка, высоко подбрасывая задние копытца, поскользнулась на обледеневшем асфальте, едва не упав.

Эльза проводила ее взглядом и подошла к часам. Если она не хочет сойти с ума от бесконечного тиканья, хорошо бы их выключить. Раз уж теперь ей придется жить здесь.

В глубине квартиры тихо заиграл гитарный перебор. Эльза стремительно прошла в прихожую, нашла

свой телефон в сумочке. На экране высветилось лаконичное «мама». Эльза держала в руках телефон, пока тот не умолк, и положила его назад.

Ранее, этим утром

Эльза вошла в спальню без стука — все равно родителей не было дома: папа умчался на работу, собираясь, как всегда, впопыхах, ругаясь и теряя ключи и документы, мама тихонько прошла по коридору вслед за ним, сняв туфли, чтобы не разбудить дочь, не зная, что та слышит каждый ее шаг.

Флакончики духов на трюмо выстроились в ровную шеренгу, сияя пузатыми боками. Новый запах, которым вчера благоухала мама, напоминал весну — свежий, яркий, радостный. Эльза нашла нужный флакон, щедро брызнула на запястья и шею. Запах — хороший способ заглушить голод. К своим старым духам она привыкла и не ощущала их, как собственную кожу. А вот новые ароматы могли перебить запахи, которыми пропитался дом: ковры после чистки отдавали псиной, папина библиотека пахла теплой пылью, а мамина гардеробная — свежестью стирального порошка с ноткой лаванды. Но через все эти запахи пробивался горячий, пряный аромат крови. От него рот наполнялся слюной, желудок сжимался голодными спазмами, а по телу ледяной волной растекался холод.

Эльза поежилась, разбрызгала духи в воздухе и окунулась в душистое облако.

Еще от голода помогает почистить зубы мятной пастой. В последние дни Эльза драила их по восемь

раз на дню. Ее улыбкой теперь можно освещать улицы, вот только улыбалась она все реже.

Она подцепила двумя пальцами мамину шаль, небрежно брошенную на банкетку, укутала плечи и заметила яркие буклеты. Эльза стрепла их, села перед трюмо. Пролистнула первый — фарфоровая посуда, чайный сервиз, букет белых роз размером с куст на столе, сервированном для обеда, — идеальный вариант, если не хочется поддерживать разговор или чтобы вовсе не видеть нежеланных гостей. Следующий буклет предлагал искусственные каминь, и Эльза умилилась маминь заботе. Она только недавно призналась, что мерзнет. Третий был выполнен в лаконичной манере: белый фон, черный шрифт — пособие по взаимодействию с вампиром. Буклет был мятым, с загнутыми уголками. Эльза раскрыла его посередине, наугад прочитала абзац:

«Чтобы не провоцировать вампиров на агрессию, следует заглушать естественный запах тела искусственными ароматами. Особенно удачными признаются свежие композиции с цитрусовой ноткой».

Эльза перевернула страницу.

«Новообращенные вампиры не в состоянии контролировать голод, поэтому всякое сотрудничество с ними может быть опасным».

Строки были подчеркнуты, а на полях стоял восклицательный знак, пририсованный карандашом.

Теперь, значит, родителям нужна специальная литература, чтобы знать, как обращаться с дочерью.

Брошюра выпала из рук Эльзы и спланировала на пол. Она уставилась на название последнего буклета и некоторое время пыталась осмыслить четыре простеньких слова, написанных черными буквами на алом сердце: «Как пережить потерю ребенка».

Сердце ухнуло о ребра, подскочило к горлу. Эльза отшвырнула буклет прочь, как змею, прижала руки к щекам. Случайно задетый флакон опрокинулся, духи растеклись маслянистой лужицей. Сладкий липкий запах ударил наотмашь. Эльза вскочила, развернулась, чтобы уйти, и увидела новенький блестящий шпингалет на двери.

Эльза вбежала в свою комнату, хватая воздух ртом, хлопнула дверью так, что хрустальная люстра мелодично звякнула. Она обшаривала взглядом знакомые вещи, пытаясь уцепиться за реальность.

Плюшевый мишка, подаренный папой на восемнадцатилетие, — он никак не мог смириться, что его девочка уже взрослая. В рамочке, усыпанной стразами, фотография — она стоит между родителями, мама смотрит не в объектив, а на нее, во взгляде любовь, от которой щемит сердце. Эльза прижала руку к груди. Сердце отбивало ритм медленно и спокойно, как будто это не ее жизнь только что окончательно разрушилась. Эльза схватила вазу с белыми пушистыми шарами гортензии и запустила ею в стену.

Через минуту в дверь постучали. Не дождавшись разрешения войти, в комнату заглянула горничная.

— У вас все в порядке? — спросила она у Эльзы, сидящей на кровати и буравящей стену взглядом. На розовых шелковых обоях расплывалось влажное

бордовое пятно. — Я приберу, — сказала она, увидев осколки, усыпавшие паркет.

Она сновала по комнате, споро орудуя смешной зеленой метелкой. Рыжие волосы, заплетенные в тугую косу, выбивались непослушными вихрами надо лбом, завивались мягкими кольцами над ушами и шеей. В правом ухе болталась зеленая бирка, в левом — сережка с крупным зеленым камнем. Мама не любила эту горничную, она и взяла-то ее на работу только потому, что так было принято. Чтобы сберечь репутацию и не прослыть нетолерантной среди своих подруг, мама готова была терпеть в своем доме оборотня.

Горничная быстро смела осколки, собрала цветы в пакет, протерла лужу. Она застыла перед обоями, явно в замешательстве.

— Сами высохнут, — сказала Эльза.

— Принести вам другие цветы? — спросила горничная. — Вам не понравился запах?

— Нет, все в порядке. — Эльза отвернулась, пряча наворачнувшиеся слезы.

Горничная вдруг подошла совсем близко, положила руку ей на плечо. Эльза вздрогнула от прикосновения, повернула голову. Рука, густо покрытая золотистым пушком, была теплой и мягкой.

— Мне так жаль, — выдохнула горничная, карие глаза, опущенные рыжими ресницами, смотрели с искренним участием. — Так жаль, что с вами это произошло. Если бы я могла чем-то помочь...

— Ты... — голос вдруг стал хриплым, и Эльза откашлялась. — Не боишься меня?

— А должна? — Женщина усмехнулась. — Я ведь лиса. У оборотней не бывает анафилактического шо-

ка на укусы вампира. Мы не можем обратиться, да вы и не альфа. Вы вообще не вампир.

— Пока что.

— К тому же вампиры редко нападают на оборотней. Вы разве хотите меня укусить?

Эльза замерла, прислушиваясь к себе. Голод никуда не делся, сидел внутри, как злобный пес, готовый сорваться с поводка. Но ей и вправду не хотелось выпиться в теплую руку, хотя голубоватые венки были совсем близко.

— Нет, — сказала она наконец.

— Ну вот, — обрадовалась горничная. Она улыбнулась и прикрыла за собой дверь, забрав мусор.

Эльза сгребла к себе плюшевого медвежонка, жала его в объятиях. Родители ее боятся. Все мелочи приобрели иной смысл. Новые духи, чтобы скрыть запах тела и не спровоцировать агрессию вампира, совместные ужины — она думала, что родители хотят ее поддержать, но, скорее, они боялись оставаться с ней наедине, — нанятый ими психолог, который мягко подталкивал ее поскорее принять решение и даже выдал буклет с адресами пунктов крови.

Эльза уткнула лицо в макушку медвежонка и вдруг вспомнила. Аня, одна из немногих подруг, которые не перестали с ней общаться, правда, по телефону, буквально на днях жаловалась на своего парня. Он сказал, что нашел работу с совместным проживанием у оборотня-медведя: выполнял мелкие поручения, сторожил сон, а по утрам будил его, чтобы тот не впал в спячку. Небось врал, а на самом деле ночевал у какой-то девки — по телефону голос подруги дрожал от возмущения. Аня была вне себя. Но Костя,

так, кажется, его зовут, уволился. Сказал, что аллергия. Хорошо, если так, ведь Аня не хочет подхватить какую-нибудь заразу...

Оборотень-компаньон, чей запах не будет вызывать у нее приступов голода и который не станет ее бояться... Она сжала медвежонка сильнее, и тот вдруг лопнул по шву, из спины вылез клочок белой ваты. Эльза отбросила игрушку в сторону. Телефон Кости Аня не даст ей никогда. Слишком ревнивая. К тому же она бы подняла Эльзу на смех, узнай ее идею. Эльза взяла телефон, вышла в социальную сеть и тут же нашла Костю в друзьях Ани. Быстро набрала сообщение, боясь передумать. Она гипнотизировала экран взглядом, пока не пришел ответ. Телефон, адрес и совет: «Пусть твой знакомый сто раз подумает перед тем, как наниматься на эту работу». Эльза не стала отвечать. И думать не стала — у нее нет особого выбора. Звонить она тоже не будет. Она придет к медведю сама, убедит его, покажет метку, если нужно. Ей просто нужен рядом тот, кто не будет ее бояться. Кто не станет смотреть на нее как на чудовище. Кто не станет запираяться от нее в страхе.

Эльза положила ладонь на плечо, все еще хранившее прикосновение горничной, имя которой она даже не удосужилась спросить. Родители не прикасались к ней уже больше месяца, с тех пор, как анализы показали, что у них обоих аллергия на слюну вампира, и, если вдруг та, что была их дочерью, сорвется, ее укус станет для них последним.

Она вышла из дома через полчаса, громыхая по гравийной дорожке чемоданом. Завидев плашку такси, прибавила шагу и едва не задела калиткой

сухопарого мужчину, выскочившего прямо ей навстречу.

— Эльза?

— Да. — Она глянула на мужчину пристальнее и сконфуженно отвела взгляд. Глубокий квадратный вырез свитера, обнажающий выпирающие ключицы и костлявую грудь, усыпанную родинками, смотрелся особенно нарочито в конце ноября. Сектант, прихожанин церкви второго пришествия.

— Меня зовут Марк. Твой отец попросил меня зайти. — Глаза невнятного болотного цвета жадно ошупывали ее, словно диковинку.

— Он на работе. Приходите вечером, мама тоже будет дома, они теперь не пропускают семейные ужины. — Она вручила чемодан таксисту, открыла заднюю дверку, но Марк захлопнул ее и положил руку на ладонь Эльзы.

— Он хотел, чтобы я поговорил с тобой. Я пастырь церкви второго пришествия, и мне стало известно, что ты отвергаешь бесценный дар от одного из вечных...

— Я этого подарка не просила, — ответила Эльза, выдернув пальцы из-под липкой ладони пастыря.

Он придвинулся совсем близко, она почувствовала кислый запах его пота, слышала биение сердца.

— Ты не понимаешь его ценности, — изо рта пастыря пахло луком.

— Вы лучше шею шарфом замотайте, — огрызнулась Эльза, — чем лук жрать. Простудитесь, охрипнете — как будете пастве свою туфту толкать?

Она оттолкнула его и села в машину, а пастырь остался у калитки. Коротко стриженная седая голо-

ва на тощей шее, торчащей из расстегнутого пальто, повернулась вслед такси, и Эльза почти физически ощутила волну ярости, исходящую от этого тщедушного человечка.

Она могла смириться с психологом, на кушетке которого так удобно лежать, но зачем было подсылать к ней этого клоуна? До того, как проклятый вампир укусил ее, отец не называл сектантов иначе, чем голошеими идиотами. Теперь, выходит, они подходящая компания для его дочери. Или скорее для той, что была его дочерью. Ведь своего ребенка родители потеряли.

— Вам куда? — спросил водитель, глянув на нее в зеркало заднего вида.

Эльза нашла сообщение Кости в телефоне и назвала адрес.

Она сидела на заднем сиденье такси, глядя на пролетающие дома, мокрые снежинки таяли на стекле, сбегая вниз косыми ручейками. В машине пахло кожей, сигаретным дымом, едва уловимым запахом рвоты и звериным потом. В остром ухе таксиста болталась круглая зеленая бирка, похожая на мелкое дикое яблочко. Интересно, в какого зверя он превращается?

Большие бархатно-карие глаза опущены ресницами, загибающимися к бровям, густые черные волосы забраны в хвост. Если их распустить, получится знатная грива...

— Скажите, а вы знаете оборотней-медведей? — Эльза затаила дыхание.

— Знаю, конечно. Медведица-коала держит вегетарианский ресторан тут неподалеку, здоровая еда

и все такое. Летом панды приезжали, останавливались в палаточном городке за чертой города. Устраивали отличные детские праздники: батуты, клоуны, сладкий стол. Но осенью они подались южнее. — Таксист, похоже, был рад поговорить. — Бурые медведи так съехали на Медвежий остров. Они зимой злые становятся, если не спят: раздражаются по пустякам, прямо как моя теща. Если б точно не знал, что она кобыла, так решил, что медведица. У которой зима — круглый год.

Эльза отвернулась, провела пальцем по влажной дорожке на стекле. Вот, значит, как. Оборотень-компаньон может оказаться непохожим на плюшевого мишку.

* * *

Эльза, крадучись, направилась к комнате Бруна. Тихонько толкнула дверь, и та открылась нараспашку. Оборотень спал на огромной кровати, раскинув руки, широкие ладони свешивались с краев. Она слышала тихое дыхание, чувствовала, как равномерно бьется большое сильное сердце, разгоняя по телу горячую кровь. Обострившимся зрением она видела даже вены на его запястье. Эльза глубоко вдохнула, втянув звериный запах, и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Глава 2

— Просыпайся, медвежонок!

Высокий голос Эльзы вошел в его ушную раковину словно сверло дрели.

— Солнышко встало, утро настало!

Брун повернулся на спину, поморгал, разлепляя глаза. Эльза раздвинула шторы, но солнца, вопреки ее обещаниям, не было видно за серой хмарью. Зато аккуратная круглая попа в бежевых шортах выглядела очень симпатично.

— Открывай глазки, мишка!

— Ты что, пьяная? — хрипло спросил он.

— Может быть, — задумалась Эльза. Она села на его кровать, скрестив ноги по-турецки: ногти выкрашены алым лаком, пятки розовые, как у котенка. — Мне теперь почти не нужен сон, так что я пила вино и думала. Скажи, ты не обиделся, что я тебе отказала? Дело не в том, что ты оборотень. Хотя раньше я только с людьми... но не потому, что у меня какие-то предрассудки, нет.

Брун повернулся на бок, страдальчески зажмурился.

— У меня в принципе мало опыта такого рода. Ну, ты понимаешь. Я решила озвучить, что не считаю тебя человеком второго сорта.

— Спасибо, — буркнул он.

— Хотя ты очень волосатый, — заметила она. — Волосатые плечи — это уже перебор. Я могу посоветовать тебе отличный крем для депиляции...

— Ты кофе сделала?

— Сейчас. — Кровать отпружинила под ее весом. — Я решила сделать, когда ты встанешь, чтобы кофе не успел остыть.

Эльза скрылась за дверью, и Брун тихо застонал. Неужели ему придется терпеть ее трескотню всю зиму?

В ванной он едва смог найти пену для бритья среди батареи разномастных баночек, оккупировавших единственную полку под зеркалом, и это тоже не улучшило его настроение. После душа он надел майку и штаны, прошлепал босиком на кухню. Эльза поставила перед ним дымящуюся чашку, тарелку с омлетом.

— Вот. Я приготовила завтрак. Пришлось погуглить рецепт, но я справилась. Я хочу сказать, что благодарна тебе. Мне правда некуда было пойти. Спасибо.

Она уселась напротив. На фоне окна ее волосы отдавали рыжиной, как у лисы.

— Ты гуглила омлет?

— У нас дома есть повар. — Она пожала худенькими плечами.

— Понятно. — Кофе оказался таким, как он любил, и это несколько примирило его с жизнью. — Почему сама не ешь?

— Нет аппетита, после укуса я даже похудела на три килограмма. Так что в этой ситуации есть свои плюсы.

Она что, хвастается?

— Ты очень худая.

— Ну, знаешь, это ты слишком толстый, — возмутилась Эльза.

— Это мышцы!

Эльза скептически на него посмотрела, задержав взгляд в районе живота, и Брун добавил:

— К тому же медведи всегда набирают вес перед зимой.

— Сколько ты вешишь?

Эльза — в шортах и белой майке, с волосами, забранными в задорный хвост на макушке, — выглядела совсем юной. Она на третьем курсе, значит, ей лет девятнадцать-двадцать. Десять лет разницы — и целая жизнь. А весит она примерно втрое меньше, чем он. Вот только озвучивать это почему-то не хотелось.

— Давай немного помолчим, — невежливо предложил Брун, зацепив вилкой кусок омлета. Эльза открыла рот и захлопнула. Вот и умница.

Омлет оказался пересоленным.

* * *

На парковке Эльза забежала вперед и легко справилась с заедающей дверкой. Усевшись в огромный «Тахо» демонстративно отвернулась к окну, поджав губы. Что интересного она там увидела? Дома, плотно прижатые друг к другу, словно в попытке согреться? Выщербленный асфальт? Брун почувствовал легкий укол вины. Девчонке и так непросто, а тут он — чуткий и внимательный, как медведь.

— Куда тебя подбросить? — спросил он.

Эльза отвернулась сильнее. Еще немного, и шею себе свернет.

— Эльза, с утра я не в духе. И чем дальше зима, тем хуже, — покаялся Брун. — Теперь я проснулся, взбодрился и готов тебя выслушать.

— Знаешь, так даже лучше, — фыркнула она. — Раз ты ведешь себя грубо, то и я не буду с тобой милой!

— Ты была милой? — искренне удивился Брун. — Так куда тебе?

— В смысле — куда? — огрызнулась Эльза. — Куда ты — туда и я.

— Подожди, — нахмурился Брун. — Похоже, нам и вправду надо обсудить наше деловое партнерство. Ты что же, собираешься приклеиться ко мне, как банный лист?

— А ты думал, я сидела всю ночь в твоей халупе, увешанной коврами, в качестве благотворительности? Теперь твоя очередь мне помогать.

— И что конкретно ты хочешь? — Он выехал на улицу, включил дворники, едва успевающие смахивать мокрую снежную кашу.

— Чтобы ты не дал мне сорваться. — Эльза снова отвернулась к окну.

— Давай определим степень твоего голода, — задумался Брун. — Как сильно тебе хочется вцепиться мне в глотку?

— Тебе — вообще не хочется, — отрезала она. — Ты собираешься что-нибудь делать со своими волосами? Они у тебя только что на веках не растут. Порядочному вампиру и укусить-то некуда. Как представлю — полный рот волос, — она скривилась и сунула два пальца в рот.

— То есть ты все-таки это представляешь, — заметил он. — Мечтаешь и смакуешь детали... Ладно, и как я пойму, что ты собираешься кого-нибудь продырять?

— Несложно догадаться, — пожала плечами Эльза. — У меня учащается дыхание, начинают выпирать клыки...

— Ты же не думаешь, что я стану ловить каждый твой вздох? Давай придумаем стоп-слово. Что-нибудь нейтральное.

— Гортензия, — предложила Эльза. — У нас во дворе самые шикарные гортензии во всем Центральном круге. Они даже сейчас цветут в оранжерее.

— Сразу нет. Скорее всего, я забуду это слово уже через пять минут, и когда ты его скажешь, не пойму, чего ты хочешь.

— Прости, я забыла, что мозг оборотня плохо усваивает информацию.

— Нормально он все усваивает, — огрызнулся Брун. — Хочешь сложное слово — пусть будет осциллограф.

Эльза замолчала, сосредоточенно перебирая губами, и Брун удовлетворенно хмыкнул.

— Нет, осциллограф слишком заумно, — признала Эльза.

— Давай просто — красный. Цвет опасности и крови, которой обливается мое сердце, когда я думаю, во что ввязался.

— Не жалуйся. Я же тебя разбудила. Причем без особых проблем. Красный! — воскликнула вдруг Эльза, и Брун резко затормозил на зеленый сигнал светофора. Сзади возмущенно засигналили.

— Проверка, — сказала она. — Ты должен был схватить меня за руку.

Брун тихо зарычал и нажал на газ.

— Лобзик, — буркнул он. — Запомнишь?

— Дурацкое слово.

— Не такое дурацкое, как гортензии. А что с твоими родителями? — спросил он. — Почему они не могут держать тебя за ручки?

— Они меня боятся, — помрачнела Эльза. — Они прикрутили на дверь спальни шпингалет и читают

брошюры на тему «Как пережить потерю ребенка». Похоже, я так сильно изменилась после укуса, что перестала быть их дочерью.

— Фигово, — оценил Брун. — А ты на самом деле изменилась?

— Пожалуй, — задумалась Эльза. — Раньше я была веселее, общительней.

— Серьезно? Еще общительнее? Выходит, мне повезло не застать тебя на пике формы.

Эльза криво улыбнулась.

— Когда друзья узнали про укус, то почти все отвалились. А некоторые, наоборот, пытались сблизиться и даже будто завидовали. Моя лучшая подруга просила ее укусить.

— Она бы не стала вампиром. Только альфа может инициировать.

— Я в курсе. Но у нее бзик на упырях. Анализ определил, что она в двадцати процентах счастливиков, — Эльза дважды загнула пальцы, заключая слово в кавычки, — которые могут обратиться. Ну, знаешь, без аллергии на вампирские слюни. Она каждый месяц ходит сдавать кровь в пункты переливания. И она постоянно выносила мне мозг, что я должна испить ее крови... В общем, с ней мы поругались.

— Так себе друзья.

— Кто бы говорил! — вспыхнула Эльза. — Что-то я не вижу добровольцев, готовых провести с тобой зиму. А ведь работенка непыльная!

— Это поначалу, — ответил Брун. — С каждым днем мне все сложнее будет просыпаться. На механические будильники я почти не реагирую, а вот присутствие посторонних чую. В фазе глубокого сна

я могу обернуться спонтанно. Мало кто хочет будить медведя.

— Разве ты не контролируешь себя в зверином обличье? — удивилась она.

— Не всегда, — неохотно признался Брун.

— Почему ты так не хочешь в спячку? — рыжие глаза загорелись любопытством.

— У меня есть дела, — скупое ответил он, заезжая на стоянку.

— Ночью я погуглила: у оборотней-медведей, которые не впадают в спячку, сокращается продолжительность жизни.

— А у некоторых медведей во время спячки жизнь и вовсе может неожиданно прерваться. Приехали.

Пока Брун возился с ключом, открывая дверь офиса, Эльза стояла рядом, внимательно рассматривая блестящую металлическую табличку с черными буквами, которой Брун втайне гордился.

— Что еще? — не выдержал он.

— «У Бруна»? Seriously? — сказала она. — Ты, я так понимаю, кто-то вроде частного детектива?

— Частные расследования, да.

— «У Бруна» — звучит как харчевня.

Брун выпрямился, распахнул дверь и вошел первым, оставив Эльзу в коридоре.

— Что вообще за имя — Брун? — Она догнала его в приемной.

— Кто бы говорил! У тебя ужасное имя!

— Эльза? Что с ним не так? Простое и мелодичное.

Брун сжал зубы, тшась объяснить, но в итоге махнул рукой.

— Брун — а полное имя Брундон? — Эльза повесила шубу на спинку стула и уселась за стол в приемной на место Кости. Сегодня она оделась скромно и непритязательно — синие широкие джинсы, ботинки на грубой подошве и черная водолазка, — но смотрелась все равно куда лучше своего предшественника. — Брунислав? Брунгильда?

— Просто Брун. Второе имя Ррун. Брун Ррун Торн.

Эльза недоуменно на него смотрела несколько мгновений, а потом вдруг расхохоталась. Она смеялась так искренне и заразительно, что Брун против воли тоже улыбнулся.

— Ты серьезно? Это твое имя? — переспросила она, вытирая подступившие слезы. — Брун Ррун Торн? Родители решили назвать тебя в честь звука, с которым заводится железный монстр, на котором ты едешь? Согласись, смешное имя. Ты и сам улыбаешься.

— Ты очень красивая, когда смеешься, — заметил он, все еще улыбаясь.

Теплые карие глаза, глядящие на него, миг посерьезнели, и Брун вдруг смутился, быстро прошел в кабинет и уже оттуда попросил:

— Сделай мне еще кофе.

Когда Эльза вошла в кабинет, карниз снова висел над окном, а чуть примятая штора собралась в узкий ручеек сбоку окна. Девушка поставила чашку перед Бруном, прищурившись, посмотрела на окно.

— Я знаю, что криво, — сказал он, пряча молоток в полку стола и заранее раздражаясь.

— Почти незаметно, — успокоила его Эльза. — Будут поручения?

— У меня сейчас встреча. Проведешь клиентку ко мне и потом улыбнешься ей на прощание. Постарайся вести себя уважительно и не давать мне непрошенных советов.

— Это каких? Ты, случайно, не обиделся за то, что мне не нравится название твоей фирмы? Или за то, что утром я назвала тебя толстым и волосатым? — уточнила Эльза.

— Я не обиделся, — терпеливо возразил Брун, пригубил обжигающий кофе. — Просто веди себя как нормальный секретарь.

— А потом, раз у тебя на сегодня так мало дел, пойдем по магазинам.

— По магазинам? — Брун едва не поперхнулся кофе.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я на кого-нибудь набросилась? В местах скопления людей мне сложно контролировать себя. Кто тогда тебя разбудит? Вряд ли меня будут волновать твои проблемы, когда я стану вампиром.

— Вряд ли они тебя и сейчас волнуют. Ты просто отрываешься на мне за месяцы вынужденной изоляции. Послушай, отчего бы тебе не позвонить какой-нибудь подруге? По телефону ты не сможешь никому пустить кровь, выговоришься, и мне станет легче тебя терпеть.

— И о чем мне с ними говорить? Я не хожу в академию — меня отстранили от занятий, потому что я не прошла медкомиссию. Я не была на вечеринках, с той самой... Я даже по магазинам уже два месяца не ходила!

— Можешь обсудить с ними меня, — щедро предложил Брун, — и все мои многочисленные недостатки.

— Не спрыгивай с темы, — пресекла его попытки Эльза. — Мне нужно что-то вместо шубы, что-то более подходящее для Звериного квартала.

— Ладно, шопинг, — выдавил он с отвращением. — Иди в приемную.

— Есть! — Эльза отсалютовала ему ладошкой. — Кстати, а что за клиентку ты ждешь? Чем конкретно ты сейчас занимаешься?

— Пытаюсь понять, как я так влип, — пробурчал Брун.

* * *

Клиентка, густым контральто представившаяся по телефону Айседорой Дробовицкой, оказалась хрупкой старушкой с лиловыми буклями и тонкой полосокой розовой помады на высохших губах. Эльза догадалась принести из приемной свой стул, и Айседора присела на краешек, держа осанку как графиня. Ее шубу, графитовую норку, Эльза унесла в приемную, делая большие глаза. Брун сразу вспомнил, что не предусмотрел вешалок.

— Меня хотят ограбить, — заявила Айседора без прелюдий. — Мой покойный супруг собрал внушительную коллекцию предметов старины. Он был известным композитором и дирижером симфонического оркестра, мы много путешествовали. Александр Дробовицкий, вы наверняка слышали это имя.

Брун неопределенно кивнул, оперся подбородком на сцепленные кисти рук. Он не имел понятия, кто это такой, и ничего не смыслил в классической музыке, но терять клиентку не хотелось.

— После смерти Алекса я решила систематизировать коллекцию. Мой супруг был творческой личностью, видя гармонию в хаосе, я же предпочитаю порядок.

Она выдержала паузу, и Брун, восторженно кивнул. Старушка и сама выглядела как древний экспонат, постаревшая куколка: сиреневые завитки один к одному, на бежевом кардигане жемчужная брошь, серьги к ней в комплект, ногти на руках, усыпанных пятнами, выкрашены розовым. Юбка целомудренно скрывает колени, что радует. Не хотелось бы повторения вчерашней сцены в другом исполнении. Брун одернул сам себя и сосредоточился на клиентке.

— Я разделила экспонаты по эпохам и культурной принадлежности, составила полный перечень. Однако некоторые вещи, на мой взгляд, не имели особой ценности, и я выставила их на аукцион, надеясь к тому же поправить финансовое положение, пошатнувшееся после кончины Алекса.

— Соболезную вашей утрате, — пробормотал Брун.

— О, я несколько не жалела расставаться с этими безделушками, — махнула рукой старушка, не вполне поняв оборотня. — До последнего дня я думала, что это было лучшим решением в моей жизни. Ведь за одно кольцо я получила больше ста тысяч сторнов.

— Ого! — удивился Брун.

— О-го-го, — самодовольно улыбнулась Айседора, заправив лиловый завиток за ухо. — Я, как и вы, пребывала в глубочайшем изумлении. Ведь кольцо

не представляло собой ничего особенного: серебро, овальная вставка из красной яшмы, никакой магии. Честно говоря, до того, как мне перечислили деньги, я была уверена, что это ошибка. Но после аукциона вокруг моей коллекции возник нездоровый интерес. Я получила несколько предложений интервью от репортеров, желающих непременно проникнуть в мой дом, меня бомбардируют письмами другие коллекционеры, требуя перечень экспонатов, а позавчера неизвестный проник в хранилище.

— Что-нибудь пропало?

— Только лишь мое спокойствие, — сокрушенно покачала головой Айседора.

Эльза аккуратно открыла дверь бедром, протиснулась в кабинет, держа чашку, исходящую паром.

— Вы обращались в полицию?

— Да, я написала заявление, но, поскольку ничего не пропало и следов взлома нет, его у меня даже не взяли.

— Но вы уверены, что кто-то был в вашем доме, — утвердительно сказал Брун.

— Вампир, — скривилась Айседора.

Чашка в руках Эльзы звякнула о блюде.

— В коллекции есть довольно редкий предмет — камень фей, который меняет цвет при приближении упырей, — пояснила старушка. — Когда я вернулась с прогулки и, как обычно, прошла в хранилище, чтобы проверить уровень температуры и влажности, камень еще мерцал. Если бы я вернулась на полчаса позже, то ничего бы не заметила.

— Окна и двери были заперты?

— Да. И прислуга клянется, что никто не заходил.

— Если это был старый вампир, то он мог внушить им это, — сказала Эльза. Она поставила чашку на стол, улыбнулась старушке как ни в чем не бывало.

— Именно! — согласилась та. — Они только делают вид, что подчиняются законам. А сами плюют на них с этой своей башни, тень от которой рассекает весь город! Толерантность сыграла с нами, людьми, плохую шутку. Все после того случая в двадцать втором, когда кровосос обратил дочку министра. Все поправки к законам, принятые для уравнивания особых в правах, — от лукавого. Вампиры, ведьмы, лепреконы и прочая нечисть паразитируют на человечестве! Надо было уничтожить особых вместо всех этих глупых поправок. — Она осеклась, поймав мрачный взгляд Бруна. — Хотя против оборотней я ничего не имею. Вы могли бы жить в заповедниках.

— Хорошо, я мог бы взяться за ваше дело, — согласился Брун, мысленно приписывая нолик к счету, который он выставит, — но пока не совсем понимаю, чего вы хотите. Состав преступления как такового нет.

— Дело в том, что все репортеры, коллекционеры и прочая шелупонь интересовались, есть ли у меня другие предметы «вампирской» тематики, помимо кольца Бальтазара, — ответила старушка, она отпила из чашки, оставив на белом краешке тонкий розовый след.

— Кольцо Бальтазара? И оно связано с вампирами?

— По-видимому. Но мне об этом неизвестно. Я хочу, чтобы вы узнали, что им всем нужно. И не

продешевила ли я с кольцом. — Она хохотнула, выпила еще глоток чая.

— У вас остались фотографии кольца?

— Да, я ведь размещала его фото на сайте аукциона.

— Я могу осмотреть хранилище?

Айседора задумалась, окинула Бруна внимательным взглядом, явно что-то прикидывая.

— Боюсь, вы в него не поместитесь, — сказала она наконец. — Возьмите свою девочку-секретаршу.

— Я без нее никуда, — вздохнул Брун.

* * *

Договорившись с Айседорой о времени визита и выпроводив ее из офиса, Брун мрачно посмотрел на Эльзу.

— Шопинг? — Она выпрыгнула из-за стола, мгновенно накинула шубку.

— Мне надо еще кое с кем встретиться, — сказал он.

— А потом...

— Да... Я же обещал.

— Ладно, — милостиво согласилась Эльза. — Поехали на встречу.

Метель унялась, но небо повисло над городом тяжелым смятым одеялом: того и гляди полезет снежный пух. В грязной каше на дороге пролегли две глубокие колеи для колес, машина скользила по ним, как по лыжне. Через несколько кварталов Брун свернул на пустую стоянку, припарковался.

Эльза вышла из машины, запрокинула голову вверх, рассматривая вывеску. Гамбургер размером с летающую тарелку опасно накренился над парковкой. Нарисованный кетчуп облупился и потемнел до бордового, словно запекаясь кровь.

Открыв тугую стеклянную дверь, Брун пропустил Эльзу вперед.

— Кафе? — удивилась она. — Мы ведь час назад завтракали!

Брун лишь хмыкнул. Он уселся на потрепанный кожаный диванчик, подгреб к себе меню. Эльза повесила шубу на рогатую вешалку и опустилась на стул напротив, с любопытством изучая заведение. Плетеные перегородки, разделяющие кафе на секторы, были обвиты живыми цветами, картины в виде фальшивых окон зрительно раздвигали пространство. В первом окне была улица, блестящая от недавнего дождя, в лужах отражалась радуга и плясали солнечные зайчики. Вторая картина изображала лавандовые поля — ровные сиреневые ряды, тянущиеся к закатному солнцу. Из третьего открывался вид на пустынное побережье с полосатым маяком, такой реалистичный, что оттуда будто бы тянуло солоноватой свежестью моря.

— Привет, Брун. Тебе как обычно? — полноватая официантка в желтом платье, немилосердно обтягивающем все ее складочки, облокотилась на стол и мягко улыбнулась. Острые ноготки впились в деревянную столешницу.

— Мне томатный сок, — сухо обозначила свое присутствие Эльза.

— Привет, Марта, — ответил Брун. — Как обычно и еще вишневый пирог. Я гляжу, у вас малоллюдно.

— Да, после завтрака народ разошелся, а время обеда еще не подошло. Не ожидала увидеть тебя до полудня. Неужели медведю не спится зимой? — Она томно выгнулась, облизала Бруна взглядом.

Брун молча протянул ей меню, скупно улыбнувшись. Официантка выпрямилась, царапнув ноготками стол, и наконец удостоила Эльзу взглядом. Зрачки в зеленых глазах сжались в узкие щелки. Марта сморщила нос, тихо фыркнула и ушла на кухню, покачивая крутыми бедрами.

— Кошка. Не любит других самок на своей территории, — пояснил Брун.

— Как-то это не очень для бизнеса, — заметила Эльза.

— Сюда в основном полицейские заходят, — Брун кивнул на отделение через дорогу. — А там женщин мало.

— Мы встречаемся здесь с полицейским?

— Нет.

— Хоть с человеком?

— С оборотнем. Но мы тоже люди, ты даже признала, что не второго сорта.

Эльза поерзала на стуле.

— Ты раньше работал в полиции?

— В БОРе, — ответил Брун, снова кивнув на полицейский участок. — Бюро особых расследований. Туда попадают дела, связанные с оборотнями, вампирами и прочими не второсортными людьми.

— И за что тебя поперли? Дай угадаю — за то же самое, из-за чего бирка в твоем ухе пожелтела.

— Да ты прям детектив, — усмехнулся Брун.

— Так что ты натворил?

— Может, это не твое дело?

— А может, мне стоит знать, раз уж мы живем вместе?

Эльза чуть повысила голос, будто специально, чтобы Марта, которая как раз подошла к ним, услышала. Официантка громко брякнула поднос на стол, кофе в стеклянном чайнике колыхнулся и едва не выплеснулся.

— А если это что-то страшное, то ты вернешься домой? — Брун подвинул поднос к себе, с наслаждением втянул пар, исходящий от овсянки. Располовинив свежую булочку, он намазал ее толстым слоем масла, положил внутрь ломтик ветчины.

— Вряд ли, — признала Эльза, наблюдая за его действиями. — Но за серьезное преступление тебя бы упекли за решетку, а потом выпустили с красной меткой в ухе. Так что предположу, что провинность была мелкой. Ты не там припарковался? Нецензурно выражался в людном месте? Украд печенье в магазине? Судя по тому, сколько ты ешь, тебе вряд ли хватает денег на еду.

— Пей свой сок, — добродушно предложил Брун. — Я угощаю. Заодно помолчишь хоть немного.

— Я угадала? — Эльза взяла солонку и несколько раз тряханула ее над стаканом.

— М-мм, — Брун покачал головой. — Я обернулся.

— Днем? В общественном месте?

— Угу. Спонтанный оборот. Ничего интересного, — уклончиво ответил Брун. — О, вот и Клиф! Привет, зверюга!

На стул рядом с Эльзой плюхнулся мужчина. Лицо, пятнистое, как яйцо перепелки, было таким

смятым и кривым, будто его вылепил из пластилина трехлетний ребенок. Глаза, прячущиеся в складках подпухших век, явно косили.

— Брун, все еще не в спячке. Ты знаешь, что на тебя в «Козлином копыте» делают ставки? Десять к одному, что ты все-таки уснешь.

— Есть новости?

— Немного, но, я смотрю, у тебя тоже есть что рассказать. — Клиф повернулся к девушке. Один его глаз смотрел на нее, а другой в фальшокно с маяком, и Эльза немного растерялась. Широкий нос дернулся, ноздри раздулись. — Ты опять связался с человечкой? Вы ведь не оборотень, прекрасная леди. Что же вас привлекло в таком старом ворчуне, как мой мохнатый друг?

— Я очень милый, — ответил Брун, делая себе еще один бутерброд.

— Я не...

— Не леди? Что ж, ночь явно была горячей, судя по аппетиту Бруна. Но вашей репутации ничего не грозит. — Он поджал губы и сделал движение рукой, будто застегнул рот на молнию.

— Ничего у нас не было, — с достоинством произнесла Эльза. — А Брун, похоже, всегда столько жрет.

— Эльза, — Брун ткнул в ее сторону откушенной булкой, — это Клиф. Он та еще гиена, так что не обращай на него внимания.

Клиф притворно вздохнул.

— Да, прекрасная Эльза, не обращай на меня внимания, я привык к роли тени, — сообщил он трагическим тоном. — Привык к тому, что остаюсь

невидимым, пока и лавры, и женщины падают к медвежьим лапам.

— А ты что, популярен? — удивилась Эльза, глядя на Бруна, сосредоточенно жуящего бутерброд, и незаметно отодвигаясь подальше от гиены и маслянистых глаз, смотрящих в разные стороны.

— Брун у нас почти знаменитость. Особенно после того, как едва не сожрал охотника, — ответил вместо него Клиф.

— Стоп, так вот что произошло! — воскликнула Эльза. — А ты говорил — ничего интересного.

— Ничего интересного? — возмутился Клиф. — Он обернулся медведем посреди бела дня и разнес половину полицейского участка! Охотнику повезло — офицер успел затолкать его в камеру и закрыть на ключ. Так это животное чуть не перегрызло стальные прутья! Следы от клыков Бруна до сих пор показывают любопытным. Если б не ходатайство шефа и безукоризненный послушной список, наш медведь бы не отделался отставкой и желтой биркой.

Эльза с любопытством посмотрела на Бруна, уткнувшегося в тарелку с кашей.

— Так дама свободна? — уточнил Клиф.

Брун откинулся на спинку дивана, с сожалением посмотрел на опустевшую тарелку и взял кусок пирога, сочащегося вишневым джемом.

— Нет, — отрезала Эльза. — Мы с Бруном теперь живем вместе.

— Она меня будит, — пояснил Брун, наливая из стеклянного чайника полную кружку кофе.

— Ты взял ее вместо того хлыща с аллергией, — понял Клиф. — Я бы тоже не отказался, чтоб меня

будила такая крошка. Хотя с такой я бы и не уснул. — Он медленно облизнул кривые клыки и подмигнул Эльзе косящим глазом. Круглая зеленая бирка, похоже, была единственной правильной деталью в его внешности.

— Давай к делу, — сказал Брун, прожевав пирог. — Что интересного?

— Хм, дай подумать. — Гиена задрал подбородок с редкой бородачкой, поскреб шею. — Этой ночью подрались два клана волков — Ррыта и Ауруна, пришлось применять водяные пушки. Со шпилья церкви второго пришествия, что на Каштановом бульваре, снимали рысь. Детенышу всего десять. Забрался наверх, а вниз никак. Ох, задала ему мать по заднице, визг стоял на весь кошачий квартал. Ничего, заживет. На южном шоссе произошла авария. Один из участников — упырь. На него фура по встрече выехала, так этот мертвяк вышел из горящей машины, смятой, как консервная банка, отряхнул свой пижонский пиджачок и ушел.

— Клиф, разве это интересно? — возмутился Брун. — Волки дерутся каждую ночь, это не новость. А вампиры практически неуязвимы.

— В кланах серых разброд и шатание, — глубокомысленно заявил Клиф. — После того, как умер Эддрук, они никак не могут определиться с единым вожаком. Так и перегрызут друг друга. А в происшествии с вампиром меня удивило не то, что упырь остался невредим, а скорее то, что он вообще попал в аварию, с их-то реакцией!

— Что-нибудь еще? — без особой надежды спросил Брун.

— Пропал еще один медиум, — сообщил Клиф. — Я узнал это через свои каналы в центре, преступление не для БОРа. Человечка, тридцать шесть лет, Майя Соболевская. Постоянно с полицией не сотрудничала, но привлекалась к розыску пропавших людей, показала неплохие результаты.

— Четвертый медиум за последние два месяца, — задумался Брун. — Кто-то что-то ищет.

— По охотникам ничего нового, — чуть виновато добавил Клиф. — Кроме одной мелочи.

— Давай, не томи, — разом помрачнел Брун.

— В интернете выплыл сайт с объявлением, что сезон охоты открывается через три дня. В первый день зимы. Сайт на бесплатном хостинге, отследить хозяина не удалось. Его прикрыли боровцы.

Брун нахмурился и, залпом выпив кофе, налил еще чашку из кофейника.

— А для меня у тебя что-нибудь есть? — в голосе гиены прозвучали жалостливые нотки.

— Сегодня встречался с клиенткой. Но пока что-то непонятное. Вроде как ее обокрали, но непонятно, украли что-нибудь или так заходили, посмотреть.

— Люблю запутанные истории. — Клиф снова облизнулся, повернулся к Эльзе. — Я репортер. Мастер пера и клавиатуры, высекаю искры из человеческих сердец, охочусь за сенсацией.

— Сплетни, грязные подробности и домыслы на пустом месте, — пояснил Брун.

Клиф, несколько не обидевшись, скабречно ухмыльнулся.

— Иногда самые невероятные домыслы оказываются истиной, — глубокомысленно произнес он. — Эльза, твое лицо кажется мне знакомым.

— Мы точно не встречались. — Она схватила стакан и пригубила густой соленый сок.

— Ладно, Клиф, к большому моему сожалению, у нас с Эльзой есть планы. — Брун выгреб из кармана несколько купюр, положил на столик. — Закажи вишневый пирог, очень вкусно.

— Пока, верзила. Эльза, — Клиф схватил ее руку прежде, чем она успела среагировать, и припал к ней долгим влажным поцелуем, — было приятно познакомиться.

Эльза кивнула, сдернула шубу с вешалки и поспешила за Бруном, тайком вытирая руку о джинсы. Она задержалась у зеркала, поправила волосы, застегнула шубку и, выходя из кафе, столкнулась с женщиной.

— Простите. — Она шагнула в сторону, но мужчина вдруг схватил ее за локоть. Пальцы сжались на руке до боли. Эльза вскинула на него взгляд, вздрогнула. Темные, как вишни, глаза, алая бирка в ухе, широкий сплюснутый нос. Стеганая куртка распахнута, под ней — голое тело, вязь татуировки стекает по крепкой груди под пояс штанов.

Эльза дернула рукой, пытаясь высвободиться, но оборотень перехватил еще сильнее, пальцы второй руки скользнули по меху.

— Натуральный, — хрипло сказал он. — Ах ты, маленькая живодерка. А если б тебя так.

Он вдруг схватил Эльзу за волосы, потянул так сильно, что ее голова запрокинулась. Огромная ка-

пля облезлого кетчупа с вывески зависла прямо над ней. Эльза взмахнула свободной рукой, не глядя, наотмашь вклепила пощечину. Оборотень отлетел от удара, впечатался в стену, бордовые лепестки высушенной краски обсыпали его как невесту на свадьбе. Он недоверчиво потрогал щеку, на которой алел отпечаток ладони, утробно зарычал, шагнул к Эльзе.

— Она со мной. — Брун вырос перед ней как скала. — Остынь, Аурун.

Оборотень приняхался, сплюнул.

— Ты не умеешь выбирать женщин, Брун.

— Есть такое, — согласился тот и подтолкнул Эльзу к машине. — Садись.

Эльза подбежала к «Тахо», вскарабкалась на сиденье, ее руки дрожали, и она раз за разом не попадала замком ремня в паз.

— Дай я. — Брун перехватил ремень безопасности, защелкнул.

Когда они отъезжали, оборотень все еще стоял перед кафе, наблюдая за машиной. Мелкое снежное крошево падало на смуглую обнаженную грудь, от которой поднималась легкая дымка пара.

— Вот позер, — неодобрительно заметил Брун. — А ты умеешь заводить друзей! Аурун — лидер одного из кланов волков. А ты его по морде. Сильна, конечно, не ожидал... Вот что с тобой делать? — Он сокрушенно покачал головой. — Эй, ты чего, плачешь?

Он повернулся к Эльзе. Ты шмыгнула носом, быстро вытерла щеки и отвернулась.

— Ты в порядке?

— Лучше всех, — мрачно ответила Эльза. — Просто испугалась. А где ты был, когда этот качок выди-рал мне волосы?

— Он сделал тебе больно? — Брун быстро глянул на нее.

— Нет, только, кажется, рукав порвался, — она просунула пальцы в прореху. — Ты, выходит, знаешь этого придурка?

— Немного.

— Вы теперь вроде как в ссоре из-за меня?

— Я арестовывал его раз пять, так что мы никогда не были друзьями, — усмехнулся Брун. — Рассказывай, куда ехать. Я-то могу отвезти тебя в магазин, где сам обычно одеваюсь, но вряд ли ты его одобришь.

— Поезжай прямо до Звездного бульвара, знаешь, где это? — Эльза выпрямилась на сиденье, воодушевленно высматривая дорогу. — Слушай, а все оборотни так агрессивно относятся к мехам и вообще защите животных? Какой-то оголтелый гринпис! Этот волк мне чуть скальп не снял! А ты едва не сожрал охотника...

Брун искоса на нее глянул, помрачнел.

— В конце концов, ты ведь хищник, ты ешь мясо, ветчину, бекон, а его, знаешь ли, не из воздуха берут, — рассуждала вслух Эльза. — Откуда такая нетерпимость?

— Мы зовем их охотниками. — Пальцы Бруна, сжимающие руль, побелели. — Они и сами себя так называют. Но то, что они творят, — не охота. Ты знаешь, что во время спячки оборотни принимают звериный облик?

Эльза неуверенно кивнула.

— Не только медведи спят зимой. Барсуки, еноты... Шкуры оборотней отличаются от обычных звериных — величиной, подшерстком, мягкостью кожи, — продолжил Брун. — Они высоко ценятся некоторыми уродами.

Эльза смотрела прямо перед собой, и без того бледная, она побелела как мел.

— Это ведь убийство, — прошептала она.

— Да. Мы зовем охотниками серийных убийц оборотней. Они убивают их спящими, а потом сдирают шкуры на трофей. Или продают коллекционерам.

— Брун...

Быстрая слеза скатилась по ее щеке.

— В прошлую зиму погиб мой отец.

— Это сделал тот охотник, из-за которого ты обернулся?

— Нет, — из груди Бруна вдруг вырвалось тихое рычание, верхняя губа вздернулась, показывая крепкие белые зубы, черную десну. — Но я найду того самого.

Глава 3

Перед торговым центром Эльза остановилась, взглянула в нерешительности на сияющие витрины.

— Мне немного страшно, — призналась она.

— Отлично, давай не пойдем. — Брун развернулся назад к машине, но Эльза цепко ухватила его за руку.

— Даже не надейся, — сказала она.

Прохладная ладонь Эльзы спряталась в горячей лапе, как замерзшая птичка. Охранники покосились на желтую бирку в его ухе, но останавливать не стали.

В сопровождении человека потенциально опасным оборотням позволялось посещать общественные места. Однако Брун заметил, что один из охранников — самый здоровый — двинулся за ними следом. Брун про себя усмехнулся. Знали бы они, что куда большую опасность представляет хрупкая девчонка, что идет с ним рядом и пялится на витрины с восторгом ребенка, впервые попавшего в цирк.

— Сюда, — Эльза ринулась в павильон, — ты только погляди, какие оттенки зеленого! Новая коллекция!

— Цвета моей тоски, — вздохнул Брун, но Эльза как паровоз уже потащила его к вешалкам.

— А давай и тебе что-нибудь подберем. Знаешь, если тебя приодеть и побрить, ты будешь выглядеть не таким пугающим.

— Что-то я не заметил, чтобы ты меня боялась.

— Мне бояться уже поздно, — философски заметила Эльза. — Самое плохое уже случилось.

— Вам помочь? — продавщица материализовалась за Эльзой, но Брун оттер ее плечом.

— Лобзик? — спросил он.

— Пока вроде нет, — ответила Эльза. — Спасибо, мы сами. — Она улыбнулась растерявшейся продавщице и вытащила вешалку с бирюзовым балахоном.

— Мне кажется, это великовато, — заметил Брун. — Ты в нем утонешь.

— Это для тебя. — Эльза приложила к нему вешалку, оценивающе прищурилась, пышный волан расплескался у него на груди морской волной.

— Великолепный выбор, — пискнула из-за прилавка продавщица. — Хит сезона.

Брун взял вешалку из рук Эльзы и повесил назад на стойку.

— Давай бери какую-нибудь куртку — и пошли.

— Ох, Брун Ррун Торн, ты не умеешь наслаждаться процессом, — нараспев произнесла Эльза, перебирая шейные платки, сложенные в большом коробе.

Брун внимательно посмотрел на девушку, но, кажется, она сказала это без подтекста.

— Как раз таки умею, — ответил он.

— Вот этот хорошенький, правда? — Она перевесила через руку скрученный в жгут платок. — Такой интересный оттенок, пыльно-малиновый.

— На дождевого червя похож, — кивнул Брун.

Эльза бросила на него убийственный взгляд и вернула платок на место. Она потянулась было к пальто с меховым воротником, но отдернула руку.

— Пойдем еще погуляем, присмотримся. — Она взяла его под локоть, повела из павильона. — Мне нужны домашние туфли, хотя, ты знаешь, по твоим коврам удобно и босиком...

Она замерла, будто наткнувшись на стену. Брун проследил за ее взглядом и увидел парня с девушкой, на вид — ровесников Эльзы. Парень — высокий и стройный, с волнистыми светлыми волосами, уложенными как у кинозвезды, — тоже не отрывал от них глаз. Прохладные пальцы Эльзы сжали руку Бруна.

— Эльза. — Парень шагнул вперед, но, похоже, передумал подходить ближе. — Ты все еще...

— Это возмутительно! — воскликнула его спутница, фигуристая блондинка в лисьей шубе до пят, расстегнутой будто нарочно, чтобы продемонстриро-

вать и глубокий квадратный вырез, и стройные ноги в ботфортах. — Куда смотрит охрана?

Охранник, следящий за Бруном от самого входа, подошел ближе, буркнул что-то в рацию.

— Она — новообращенный вампир! — блондинка указала пальцем на Эльзу. — Молодым вампирам нельзя в общественные места, они не умеют себя контролировать.

— Уймись, Вероника, я не вампир пока что, — сказала Эльза, перевела взгляд на парня. — Я смотрю, ты быстро нашел мне замену.

Тот собирался ответить, но Вероника его перебила:

— А что, он должен был уйти в монастырь? — Она теснее прижалась к парню, по-хозяйски поправила на его шее полосатый шарф. — Он рассказал, как ты чуть не загрызла его во время секса. Есть предел и для страсти, знаешь ли.

Рука Эльзы так сжалась, что Брун зашипел от боли.

— Пойдем отсюда, — он потащил Эльзу к выходу.

— А твоей зверюшке нравится, когда ты кусаешься, да, Эльза? — выкрикнула Вероника вслед.

Брун помог девушке забраться в машину, закрыл за ней дверцу, сел за руль. Эльзу колотило, она укуталась в шубу, спрятала лицо в ладонях.

— Эй, — Брун отвел прядь волос от ее лица, — ну все, успокойся.

Эльза глянула на него темными как ночь глазами, и он отдернул руку.

— Что там у тебя произошло с тем белобрысым? — спросил он.

— Это мой бывший парень.

— Да я уж понял.

— Вероника была моей подругой.

— Это та самая, что предлагала тебе свою кровь?

Эльза кивнула.

— Аппетитная, — оценил Брун.

Эльза посмотрела на него с негодованием, и он с облегчением заметил, что ее глаза возвращаются к привычному чайному оттенку.

— Если кусать, то ее, а не того выпендрейника с шарфом. У него букли, как у Айседоры, только цвета другого.

Пока Эльза возмущенно хватала воздух ртом, он добавил:

— Так что, ты поэтому не стала заниматься со мной сексом? Боишься потерять контроль и укусить?

— Нет! — выпалила Эльза. — Не только, — добавила чуть тише.

— Потому что мы можем решить этот вопрос.

— В смысле? — не поняла Эльза. — Меня можно сделать опять человеком?

— Нет, конечно, — ответил Брун, вырубивая с парковки. — Но я мог бы тебя зафиксировать. Или, допустим, сзади...

Эльза стукнула его сумочкой, и Брун, втянув голову в плечи, рассмеялся.

* * *

Магазин, в который он привез Эльзу, находился в Зверином кольце, на самой окраине. Лес, укрытый белой шубой, протягивал хвойные лапы к городу, но подходить ближе не решался.

Брун потянул на себя дверь, выкрашенную бирюзовой краской, придержал перед Эльзой.

— Может, все не так уж плохо, — сказал он. — Смотри, двери в тренде.

Эльза только вздохнула, обреченно поднялась по ступенькам. В тесном помещении стояли продолговатые стойки с одеждой, развешанной так туго, что палец не просунешь. На стеллажах виднелись развалы свитеров.

— Добрый день, я могу вам чем-нибудь помочь? — Продавец сложил руки на животе, уставился на них темными глазами навывкате. Эльза незаметно принюхалась, оценивая свои ощущения. Мелкий чернявый мужичок с залысынами пах, как хомячок, который жил у нее в детстве: мокрыми опилками и кукурузой. Кусать его не хотелось.

Но клыки в последнее время чесались так, что хоть волком вой.

— Да, девушке нужна куртка, — сказал Брун. — А мне — выйти. Эльза, я могу оставить тебя здесь на полчаса? Люди сюда не заходят.

— Вы от кого-то прячетесь? Если хотите, я могу закрыть магазин. Все равно сейчас мертвое время. — Он кивнул Бруну на примерочную в углу. — Выход там.

— Да, я помню, — ответил Брун. — Эльза, ты как?

— В порядке. А ты куда?

— Мне надо немного размяться, — объяснил Брун. — Выпустить зверя. За чертой города это по-зволняется в любое время.

— Ладно, я подожду тебя здесь.

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул и скрылся за шторкой.

— Вот это, полагаю, подойдет, — продавец показал ей вешалку с длинным бордовым пальто, которое наверняка носила еще его бабушка, и Эльза взяла его не глядя. Она рассеянно улыбнулась продавцу, прижала пальто к груди.

— Может, предложите что-нибудь покороче? — попросила она и, когда мужчина отвернулся к стойкам с одеждой, быстро подошла к окну.

Брун шел к лесу, ступая босыми ногами по снегу. Эльза стыдливо потупила взгляд, но через мгновение посмотрела на оборотня снова. Он взмахнул руками несколько раз, наклонил голову к одному плечу, ко второму, разминая шею. На спине взбугрились мышцы, плечи раздались еще шире. Эльза прикусила ноготь, не сводя глаз с Бруна, боясь даже моргнуть. Смуглая крупная фигура на белом фоне темнела, постепенно сутулилась, тяжелела. Вскоре он опустил на четыре лапы, позвоночник выгнулся дугой, вытянулся... К елкам трусил медведь, мотая крупной мохнатой башкой, оставляя глубокие следы в нетронутом снегу. Яркая желтая бирка в ухе сверкнула солнечным зайчиком.

— Будете мерить?

Эльза вздрогнула от вопроса, повернулась, щеки вспыхнули от смущения.

— Да-да, конечно. — Она взяла у продавца куртку и пошла в примерочную.

Брун вернулся через полчаса, зашуршал за шторкой одеждой. Эльза подобралась, повернулась к нему как ни в чем не бывало.

— Выбрала что-нибудь? — спросил он, выходя из примерочной.

Эльза встала с банкетки, оставив недопитый стакан с водой на прилавок, покрутилась перед ним в простеньком синем пальто, посмотрела вопросительно. Темные волосы разметались вокруг лица, карие глаза лукаво сверкнули.

— Тебе идет, — признал он и повернулся к продавцу. — Сколько?

— Эльза уже рассчиталась, — радостно ответил тот, сияя глазами-бусинами.

— Да ты небось ободрал ее как липку! — возмутился Брун.

— Вовсе нет, — степенно возразил продавец. — Мы поменялись: я согласился взять ее старую порванную шубу взамен этого великолепного пальто из настоящей шерсти.

— Ты из этой шубы сто воротников нашьешь, — хмыкнул Брун, — и помпонов на шапки. И продашь в сто раз дороже. Ладно, спасибо. Пойдем?

Продавец открыл перед ними двери, чуть ли не кланяясь на прощанье. Стылый воздух ворвался в магазин, и Эльза поежилась, подняла воротник пальто.

— Мерзнешь? — спросил Брун.

— Этот холод изнутри, — ответила Эльза. — Что в шубе, что без нее — без разницы.

— Я знаю отличный способ согреться! — заявил Брун, садясь в машину.

Эльза хмуро глянула на него исподлобья, пристегнула ремень.

— И это не то, что ты подумала.

— Да ладно.

— Хотя твой вариант мне тоже нравится.

— Нет уж, говори, что за способ?
— Давай подеремся!
— Ты в своем уме? — возмутилась Эльза.
— Ты сегодня отшвырнула Ауруна как котенка, — напомнил Брун. — Я хочу выяснить, насколько ты сильная. Может статься так, что я не смогу тебя удержать, сколько бы лобзиков ты не сказала.

Эльза задумалась, отвернулась к окну, за которым проплывали приземистые дома Звериного кольца.

— Меня никогда не били, — призналась она.

— Оно и видно, — пробурчал Брун в сторону.

— Ты ведь знаешь, что у меня обострился слух после укуса? — поинтересовалась Эльза. — Я прекрасно слышу твой бубнеж. Возможно, в твоём предложении и есть смысл, но... это ведь больно!

— Не бойся, я буду с тобой нежен, — Брун ухмыльнулся, глянув на нее.

— Мы все еще про драку? — уточнила она.

— Какую драку?

— Слушай, после того, как ты побегал голышом по снегу, ты прям сам не свой!

— Ты подсматривала! — с притворным возмущением воскликнул Брун.

— Мне было любопытно, — призналась Эльза, улыбаясь. — Это впечатляет.

— Что именно?

— Всё. Как это происходит. Тебе больно?

— Жизнь вообще болезненная штука, Эльза, — сказал Брун, поворачивая в переулок. — Тебе ли не знать? Но ты права, я всегда немного на взводе после оборота. Выброс гормонов. Эндорфины, дофамины, адреналин — целый коктейль.